

А.С.Собенников

СМЕРТЬ ГЕРОЯ В ЛИРИКЕ Б.РЫЖЕГО В КОНТЕКСТЕ МИФА О ПОЭТЕ

Миф об Орфее как архетип мифа о поэте включает: избранничество, сакральность, учительство, служение, нищелюбие, свободу, одиночество, жертвенность, смерть как плату за дар. Выделяются две эпохи актуализации: романтизм и Серебряный век. На Б.Рыжего оказали влияние обе эпохи. Герой в лирике и Автор в жизни помнят о мифе, демонстрируют своей судьбой ценность творчества, ценность поэзии в условиях распада государства, распада социального уклада, в условиях тотальной деконструкции мифа постмодернизмом.

Ключевые слова: Борис Рыжий, литература, миф, архетип, поэт, герой, лирический герой, постмодернизм

О смерти героя в лирике Б.Рыжего, конечно же, писали. Михаил Гундарин заметил, что «в сегодняшней популярности Рыжего, безусловно, огромную роль играет его трагическая смерть. Таким образом, история гибели Рыжего — живущего на этой земле автора своих стихов становится историей зарождения славы Рыжего — поэта, стихи которого живут «сами по себе» [1, с. 177]. Факт биографии становится фактом литературным. С другой стороны, литература влияет на жизнь. «Программа ранней гибели заложена с самого начала. Не должожитель Пастернак, но Есенин и Маяковский, не пережившие своей молодости, ориентиры начинающего» — писал И.Фаликов [2, с. 234]. Однако биографический факт он ошибочно возвёл к моде на смерть в эпоху Серебряного века: «Это было возвратным эхом пандемии поэтического суицида, разразившейся в начале XX века. В.Гофман (1884—1911), В.Князев (1891—1913), А.Лозина-Лозинский (1886—1916) и многие, слишком многие другие. Декаданс — не пустой звук» [2, с. 234].

На наш взгляд, в случае с Б.Рыжим уместней говорить о другой традиции — мифе о поэте¹. Ю.В.Казарин пронизательно заметил: «Смертью смерть поправ — это о поэте...» [4, с. 148]. В мифопоэтическом дискурсе время циклично, то что случилось много веков тому назад, проявляется в настоящем, и будет повторяться в будущем. В линейном историческом времени, конечно же, неизбежны накопления эстетического опыта, которые ведут к изменению парадигмы. И.Н.Сухих справедливо считает, что в XIX веке русская литература развивалась таким путём: «мы увидим три сменяющих друг друга (и в то же время сложно взаимодействующих) культурологических образа, три парадигмы, три литературные эпохи, в центре которых: поэт — писатель — литератор. Эпоха поэтов — это пушкинско-лермонтовско-гоголевская эпоха. Её самосознание воплощено в «Пророке», в «Памятнике», в «Смерти поэта» и «Поэте», в «Мёртвых душах» и в многих других произведениях двадцатых-сороковых годов» [5, с. 25]. Но линейное развитие не отрицает миф, оно может его редуцировать, видоизменять, вступать с ним в сложные диалогические отношения.

Архетипом мифа о поэте следует считать, очевидно, миф об Орфее. В истории Орфея два основных значения: 1. Дар, позволяющий разговаривать с богами, влиять на богов и людей; 2. Трагическая смерть как плата за дар. В литературе Нового времени миф о поэте актуализировался в эпоху романтизма. Новалис писал: «Чувство поэзии в близком родстве с чувством пророческим и с религиозным чувством провидения вообще» [6, с. 95]. А.С.Пушкин откликнется *Пророком*, в котором происходит трансформация человека в мифологическое существо, вместо языка — «жало мудрой змеи», вместо сердца — «угль, пылающий огнём». В стихотворении *Арион* эпитет «таинственный» укажет на избранничество поэта, «риза» на сакральный характер дара [7, с. 16]. В стихотворении *Поэт* в один ряд встают «священная жертва», «святая лира», «божественный глагол». Лирический герой приобретает черты пророка: «дикий», «суровый», «не клонит гордой головы».

Лирический герой М.Ю.Лермонтова будет сожалеть: «Бывало, мерный звук твоих могучих слов / воспламенял бойца для битвы», «Твой стих, как божий дух, носился над толпой» (*Кинжал*). К.Н.Батюшков даст определение поэзии: «Поэзия — сей пламень небесный...» [8, с. 20]. Н.В.Гоголь в *Выбранных местах из переписки с друзьями* писал: «В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно что-то близкое к библейскому» [9, с. 20].

В мифе о поэте есть и социально-биографический подтекст, отражённый в известном стихотворении В.К.Кюхельбекера *Участь русских поэтов* («Горька судьба поэтов всех племён / Тяжеле всех судьба казнит Россию...»). Ранняя трагическая смерть А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, К.Ф.Рылеева, А.И.Полежаева также соответствовала мифу, «священной жертве».

Итак, основные значения этой модели мифа: избранничество, сакральность, учительство, служение, нищелюбие, свобода, одиночество, жертвенность. Есть и второй инвариант мифа, сформулированный сторонниками «чистого искусства»: божественность поэзии, её самодостаточность, наслаждение, свобода от «запросов дня». Он тоже был предложен А.С.Пушкиным в стихотворении «Поэт и толпа»:

¹ Миф понимается нами вслед за Р.Бартом как коннотативная система. Личные ценности, частные концепции становятся частью общественного сознания, приобретают сверхличный смысл. Танатологические же мотивы в лирике поэта подробно рассмотрены в статье Н.А.Непомнящих: «Стремление к смерти как путь к ней, рефлексии о смерти и ожидание её прихода, воображаемые похороны и похоронная атрибутика (гробы, могилы, кладбища, похоронные оркестры и музыка, воображаемые встречи с умершими, обращение к ним как к живым)» [3, с. 110].

Не для житейского волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв.

В лирике Н.А.Некрасова находим полемику с этой позицией, речь идёт об известной формуле: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Эта формула станет заветом социальной поэзии в русской литературе вплоть до Всеволода Емелина. Отзовётся она и в хрестоматийном: «Поэт в России больше, чем поэт» (Е.Евтушенко). Но и в первом случае, и во втором есть вертикаль: «Она с небес слетает к нам, небесная к земным сынам» (Ф.И.Тютчев *Поэзия*), есть избранничество, есть плата за дар. Поэтому не случайны христологические аллюзии у того же Н.А.Некрасова: «Но шёл один венок терновый / К твоей угрюмой красоте». Он же скажет: «Русский гений издавна венчает / Тех, которые мало живут...» (*Не рыдай так безумно над ним...*).

Миф о поэте актуализировался в эстетике и поэзии Серебряного века. В обращении В.Брюсова *К юному поэту* чувствуется романтическая традиция избранничества, непохожести на обычных людей. И героиня Анны Ахматовой «нищая», «потерянная», но сакральное, божественное становится подлинной ценностью, ангельским «светом» (*Помолись о нищей, о потерянной...*). Лирический герой Ф.Сологуба — «далёкий от земного мира» (*Я живу в тёмной пещере...*).

У Вячеслава Иванова Орфей, которому «боги путь указали» «промыслительной рукой», становится связующим звеном между античностью и современностью («к нам восходит и заводит победительный пеан»). А.Белый обращается к «магу» В.Брюсову в одноименном стихотворении:

Я в свисте временных потоков,
Мой чёрный плащ мятежно рвущих.
Зову людей, ищу пророков,
О тайне неба вопиющих.

Жёлтая кофта Маяковского — другой ряд, ряд литературного быта, но бытовой эпатаж, в сущности знак эстетический, ведущий к старому, ещё не стёртому значению; богемность — биографическая сторона мифа, в ней выявляется избранничество поэта, его «необыкновенность».

Жизненный путь, судьба Бориса Рыжего, «метагерой» его лирики, на наш взгляд, вполне укладываются в рамки мифа². Существенным моментом является чувство общности и причастности к традиции. В одном из ранних стихотворений *Чёрная речка* лирический герой говорит:

Любовь. Предательство. Россия и тоска.
Как можно жить, не погибая?

Смерть Пушкина становится топосом бытования поэта в жизни, она соединяет пространство и время, ушедших, и здесь стоящих:

«Пойдём на лёд — туда,
скорей туда, на лёд —
сквозь время стылое — быть может,
ответит доктор нам, что гений не умрёт
и в нас души не уничтожит...» [11, с. 341].

Смерть — экзистенциал, но смерть поэта ещё и символ, миф. Таким культурным мифом для самого поэта, для его метагероя и стала смерть Пушкина. Поэтому в творчестве Б.Рыжего особое место занимает пушкинское стихотворение «Пророк» с его мотивами отверженности и богоизбранности. Эти мотивы даны в лирике свердловского поэта в высоком, патетическом, регистре и в сниженном, ироническом. Пример первого — стихотворение *Стань девочкою прежней с белым бантом...*, посвящённое Эле: «ты будешь много говорить о многом / со мной, я — с Богом». Иронический модус находим в стихотворении *Зелёный змий мне преградил дорогу...* «Ступай, — он рек, — вали и жги глаголом // сердца людей, простых Марусь и Вась, / раз в месяц наливаясь алкоголем, / неделю квась».

Мотив отверженности — системообразующий в лирике Б.Рыжего. Его метагерой одинок в мире людей социально, в ценностном аспекте, в традициях культуры. В стихотворении *Ах, какие звёзды — это сказка...* герой и героиня оказываются в «подвальчике».

² Термин «метагерой» предложен Т.А.Арсеновой: «В нашем понимании, *метагерой* — форма лирического субъекта, характеризующаяся особым типом лирической авторефлексии: переживанием себя как героя, и точкой зрения, дистанцирующей его как субъекта сознания от своей социально-культурной роли поэта» [10, с. 32].

Отхлебну, не поперхнувшись взглядом.
Дрожь пройдёт.
Мне плевать, какая мерзость рядом
ест и пьёт.
«Плюнь и ты. Садись как можно ближе.
Не вини.
Мне всегда хотелось быть таким же,
как они».

Быть «таким же, как они» не получается в силу культурной памяти, воспитания, социального происхождения.

Всё для них, и звёзды. «Знаешь, страшно
жить и петь.
Только ты, мой друг. Ведь ты не дашь мне
умереть?»

Творческий дар, как и подобает в мифе о поэте, ведёт к одиночеству метагероя:

За мыслью — мысль. Строка — к строке.
Дописывай. И Бог с тобой.
Живи один, как налегке,
с великой тяжестью земной. (*Стансы*) [11, с. 38]

Мотив одиночества метагероя в мире людей становится сквозным: от бытового одиночества — к экзистенциальному. Такой путь вместе с героем читатель проделывает в стихотворении *Чёрное небо*:

...На чёрном небе белая звезда —
она была и будет навсегда,

до нас доходят тонкие лучи...
Но лучше электричество включи

и отойди от чёрного окна —
здесь ты один, а там она одна,

и не о чем вам с нею говорить,
а немоту ни с кем не разделить.

В стихотворении *Погадай мне цыганка на медный грош...* цыганка говорит герою: «не живут такие в миру». «Станет сын чужим и чужой жена, / отвернутся друзья-враги. / Что убьёт тебя, молодой? Вина. / Но вину свою береги». Вина героя заключается в том, что он должен реализовать данный ему Богом дар, должен сказать о тех, кто этого дара лишён. Но для того, чтобы реализовать дар, ему нужно сжечь себя, переступить через любовь к жене, к сыну, отказаться от благополучия. Поэт должен говорить даже тогда, когда его не слушают и не слышат.

Вина трагического героя неминуемо ведёт к смерти. Браунинг, ТТ, маузер, финка, заточка — не просто орудия смерти, они становятся знаками неизбежного возмездия за нарушение нравственного императива, за экзистенциальную свободу героя быть не таким, как все, за его маргинальность. Собственно говоря, у героя выбор небогатый: погибнуть от чужой руки или кончить жизнь самоубийством: «Пускай вонзит заточку в печень / или попросит огоньку, / когда совсем расслаблю плечи / выдавший виды на веку» (*Осколок света на востоке...*; «я стучу в Ваш дом / с обескровленным ртом, / чтоб приобрести у Вас маузер, / остальное потом» (*Считалочка*).

Метагерой в лирике и Автор в жизни не просто помнят о мифе, они демонстрируют своей судьбой ценность творчества, ценность поэзии в условиях распада государства, распада социального уклада, в условиях тотальной деконструкции мифа постмодернизмом. В смерти смыкаются два сюжета: жизни и литературы. То, что казалось литературой, стало жизнью. То, что было жизнью, стало литературой. Поэт своей смертью придаёт смысл и литературе, и жизни.

И последнее замечание. Бориса Рыжего называли «последним советским поэтом» [12, с. 174; 13, с. 167]. Миф о поэте и советский миф не противоречат друг другу. Советский миф в аспекте творчества, значения литературы, миссии поэта, ориентировался на миф о поэте. Литературоцентричность русской культуры в XIX веке и в XX веке в значительной степени была связана с этим мифом. В постсоветскую эпоху, в эпоху постмодернизма литература перестала быть центром, и миф умер.

1. Гундарин М. Человек в пейзаже. Борис Рыжий: домой с небес // Знамя. 2003. № 4. С. 177-182.
2. Фаликов И. Борис Рыжий. Дивий камень. М.: Молодая гвардия, 2015. 382 с.
3. Непомнящих Н.А. Мотив воли к смерти в творчестве Бориса Рыжего // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 110-122.
4. Казарин Ю.В. Поэт Борис Рыжий. Екатеринбург: Изд-во Ургу, 2009. С. 310.
5. Сухих И.Н. Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Пальмира; М.: Книга по требованию, 2017. 280 с.
6. Новалис. Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 94-107.
7. Раскольников Ф. Статьи о русской литературе. М.: Вагриус, 2002. 350 с.
8. Батюшков К.Н. Нечто о поэте и поэзии // Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1978. 606 с.
9. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: Советская Россия, 1990. 432 с.
10. Арсенова Т.А. «Мой герой ускользает во тьму...»: лирический герой и его двойники в поэзии Бориса Рыжего // Литература сегодня: знаковые фигуры, жанры, символические образы. Екатеринбург, 2011. С. 32-38.
11. Рыжий Б. Оправдание жизни. Лирика. Проза. Критика. Интервью. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 829 с.
12. Машевский А. Последний советский поэт // Новый мир. 2001. № 1. С. 174-178.
13. Быков Л.П. Борис Рыжий: последний советский поэт // Советское прошлое и культура настоящего: Монография: В 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во УРГУ, 2009. С. 167-174.

References

1. Gundarin M. Chelovek v peyzazhe. Boris Ryzhiy: domoy s nebes [The human in the landscape. Boris Ryzhy: Back home from heaven]. Znamya, 2003, no. 4, pp. 177-182. Boris Ryzhy
2. Falikov I. Boris Ryzhiy. Diviy kamen' [Boris Ryzhy. Wild Rock]. Moscow, 2015. 382 p.
3. Nepomnyashchikh N.A. Motiv voli k smerti v tvorchestve Borisa Ryzhego [Will to die: The mortal theme in Boris Ryzhy's poetry]. Sibirskiy filologicheskij zhurnal, 2017, no. 2, pp. 110-122.
4. Kazarin Yu.V. Poet Boris Ryzhiy [Boris Ryzhy the poet]. Ekaterinburg, 2009, p. 310.
5. Sukhikh I.N. Sergey Dovlatov: vremya, mesto, sud'ba [Sergei Dovlatov: The time, the place, the destiny]. Saint Petersburg; Moscow, 2017. 280 p.
6. Novalis. Fragmenty [Fragments]. Literaturnye manifesty zapadnoevropeyskikh romantikov. Moscow, 1980, pp. 94-107.
7. Rascol'nikov F. Stat'i o russkoy literature [Writings about Russian literature.]. Moscow, 2002. 350 p.
8. Batyushkov K.N. Nechto o poehthe i poehzii [Something about a poet and poetry]. Opyty v stikhakh i proze. Moscow, 1978. 606 p.
9. Gogol' N.V. Vybrannye mesta iz perepiski s druz'yami [Selected fragments from letters to friends]. Moscow, 1990. 432 p.
10. Arsenova T.A. "Moy geroy uskol'zaet vo t'mu...": liricheskiy geroy i ego dvoyniki v poehzii Borisa Ryzhego ["My hero goes into the darkness...": the persona and the doublegangers in Boris Ryzhy's poems]. Literatura segodnya: znakovye figury, zhanry, simvolicheskie obrazy. Ekaterinburg, 2011, pp. 32-38.
11. Ryzhiy B. Opravdanie zhizni. Lirika. Proza. Kritika. Interv'yu ["A Reason to Live". Lyric poetry. Prose. Criticism. Interviews]. Ekaterinburg, 2004. 829 p.
12. Mashevskiy A. Posledniy sovetskiy poeht [The last Soviet poet]. Novyy mir, 2001, no. 1, pp. 174-178.
13. Bykov L.P. Boris Ryzhiy: posledniy sovetskiy poeht [Boris Ryzhy: The last Soviet poet]. Sovetskoe prshloe i kul'tura nastoyashchego: Monografiya: V 2 t. T. 1. Ekaterinburg, 2009, pp. 167-174.

Sobennikov A.S. The death of the hero in Boris Ryzhy's poems in the context of the myth of the poet. The myth of Orpheus as an archetype of the myth of the poet includes the following aspects: divine election, sacredness, teaching vocation, devotion, love of poverty, freedom, loneliness, self-sacrifice, and death as a punishment for the gift. There are two time periods of actualization of the myth: Romanticism and the Silver Age which influenced Boris Ryzhy. Both his lyrical hero and the author himself in his life keep the memory of the myth; their fate demonstrates the value of creation and the value of poetry at the time of disintegration of the State and familiar social structures in conditions of total deconstruction of the myth by postmodernism.

Keywords: Boris Ryzhy, literature, myth, archetype, poet, hero, lyrical hero, postmodernism.

Сведения об авторе. А.С.Собенников — доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург), assoben52@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.